

УДК 32
Г-85

Гришнова Елена Евгеньевна

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана
тел.: (901) 517-40-08

Политика и право: вектор взаимодействия

Аннотация:

В статье на основе анализа современной научной аналитики рассматриваются теоретические аспекты решения проблемы взаимодействия политики и права в современных условиях российского общества.

Ключевые слова: политика, право, правовая политика, политико-правовое взаимодействие, правовые идеи, политико-правовая активность, правовой нигилизм, законность, правопорядок.

Между политикой и правом никогда не было и, вероятно, в принципе быть не может полной гармонии, но это вовсе не означает, что они обречены только на взаимную конфронтацию. У них есть ряд общих свойств, например: регулятивно-направляющее воздействие на социальную жизнь и происходящие в ней процессы; властные начала; отражение в законах некоторых совпадающих требований; в значительной мере – единое поле действия и цели. В итоге у них больше соединяющих, нежели чем разделяющих граней. Кроме того, практически вся политическая жизнь общества, так или иначе, оформляется и закрепляется правом. В 1908 г. российский философ Е.Н. Трубецкой писал: «Само государство есть по своей сути правовая организация» [1, с. 17].

Взаимодействие права и политики может быть вполне продуктивным. Однако для этого нужно уметь в различных социально-политических условиях находить оптимальный баланс между ними. Такой баланс, как правило, достигается в том случае, если политика является правовой. Сам термин «правовая политика» свидетельствует, прежде всего, о том, что оба рассматриваемых феномена диалектически взаимосвязаны, вектор их развития един и одновременно способствует развитию социума. Вместе с тем если политика – есть искусство возможного и целесообразного, то право – это искусство добра и справедливости. Но эти их формы и функции вовсе не противоречат (во всяком случае, не должны противоречить) друг другу, поскольку оба феномена имеют социальный характер и функционируют в обществе.

Размышляя над различными аспектами взаимодействия политики и права, автор пришел к выводу о том, что можно в научных целях искусственно разделить их на повседневное взаимодействие/взаимовлияние и на сугубо теоретическое. Если на тему повседневного взаимовлияния политики и, в первую очередь, государства на право и правовую систему написано немало научных (и публицистических) работ, то теоретико-методологическая проработка данного взаимодействия является, скорее всего, эксклюзивным исключением. Например, известный немецкий философ XX в. К. Шмитт о повседневной взаимосвязи этих двух социальных явлений писал: «Государство ограничивается исключительно производством права» [2, с. 40].

В то же время он полагал, что существование государства доказывает на деле свое несомненное превосходство над действием правовой нормы, так как

государственное решение освобождается от любой нормативной ответственности и становится в собственном смысле слова абсолютным.

В работах К. Шмитта, пожалуй, как ни у какого другого автора, довольно подробно и обстоятельно анализируются различные стороны «политического» как феномена (в том числе и его правовые грани). По этому поводу он пишет о том, что скорее политическое появляется там и тогда, когда есть неурегулированные правом коллизии. Например, когда не решены вопросы суверенитета, то есть когда кроме высшей власти некому принимать решения, то тогда возникает потребность в политическом нормировании. Поэтому в своей книге «Политическая теология» он специально посвящает данной проблеме целую главу под названием «Проблема суверенитета как проблема правовой формы и решения» [3, с. 30–56]. В этой работе К. Шмитт ставит дискуссионные вопросы: «В чьей компетенции должен быть случай, для которого не предусмотрена никакая компетенция? Кто компетентен в тех случаях, когда правовопорядок не дает ответа на вопрос о компетенции?» [4, с. 22]. И сам же дает такой вариант ответа: «Суверенен лишь тот, кто принимает решение о чрезвычайной ситуации». При этом он ссылается на мнение Ж. Бодена о том, что полномочие прекратить действие закона – это, действительно, подлинно отличительный признак суверенитета.

На наш взгляд, немецкий философ выдвинул, хотя, может быть, и не новые, но весьма прогрессивные взгляды, когда указывал, что: «Сочетание фактической и правовой высшей власти является основной проблемой понятия суверенитета... В современном социуме власть должна принадлежать праву, а не государству. Мы можем и далее допускать, что, как и встарь, признаком государства вновь и вновь будут называть власть и что понятие этого государства будет определяться как явление власти – но с тем единственным условием, что в отношении этой власти признается, что она обнаруживает себя в праве и не может осуществляться никак иначе, чем, вводя в действие правовую норму» [5, с. 39].

Немецкий философ довольно четко обозначил ключевую теоретическую проблему политико-правового взаимодействия. Он считал, что в социуме политическое появляется там и тогда, когда государство что-то не «отрегулировало», не «досоздало» в праве (а предусмотреть все конкретные, а тем более, возможные ситуации и под каждую из них создать необходимую правовую норму невозможно) и при этом возникают вопросы, одновременно касающиеся всего социума и требующие принятия монопольного решения. К ним Шмит относил вопросы суверенитета и компетенции государственной власти.

Вопрос о повседневно-прикладном соотношении политики и права также не является простым. В трактовке данного соотношения постоянно присутствует тенденция следования политической конъюнктуре. На протяжении фактически нескольких десятилетий право рассматривалось, например, в нашей стране, главным образом, в утилитарно-прагматическом ключе – как атрибут, инструмент, орудие, рычаг власти, как способ юридического оформления партийно-политических решений, а не как самостоятельная социальная и культурная ценность или институт.

Право длительное время представлялось, с одной стороны, как некое нагромождение множества норм, а с другой – оно на всю мощь использовалось в качестве средства насилия, принуждения. Вместе с тем эти две ипостаси права довольно мирно сосуществовали в рамках одной юридической и политической системы, когда карательная функция соседствовала с «воспитательной». Поэтому на право политическое руководство советского государства одновременно смотрело и как на некий рудимент и помеху, и как на очень удобный, «законный» политический инструмент, репрессивный механизм в

борьбе с неугодными.

Общественным сознанием советского периода прочно усваивался тезис о второстепенной и нерешающей роли права. Главными при этом считались экономика, политика, идеология, партийные установки и лозунги, а вовсе не правовые ценности, юридические начала и законность. Более того, право чаще всего воспринималось как приказ «начальства», как указания политических вождей, как предписания сверху. И только в редчайших случаях – как самостоятельный институт, способный эффективно защитить гражданина от произвола, стоящий на страже личности, ее чести, достоинства и безопасности [6, с. 43]. Право не мыслилось в качестве силы, способной ограничить государственную власть, а идея правового государства не признавалась.

Право было до предела политизировано и идеологизировано, а иначе и быть не могло, поскольку в нашей стране, особенно в первой половине XX в., даже государство рассматривалось в качестве продукта классовой борьбы. Так В.И. Ленин писал в своей программной работе «Государство и революция»: «...существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы» [7, с. 14–15]. Соответственно, и право, вслед за государством должно было не способствовать примирению классов, а быть на стороне пролетариата в его борьбе за разрушение государства.

Следовательно, если политика и идеология ставились во главу угла в действиях государства, то право превращалось в некий временный ее рудимент, придаток; оно было обречено лишь помогать обеспечивать очередную политическую линию или кампанию. Некоторые специалисты даже полагают, что в нашей стране фактически существовала политическая юстиция [8, с. 4].

Однако, несмотря на то, что сложившаяся в советское время система взаимоотношений политики и права дает немало аргументов для ее критики, тем не менее, следует признать, что она «работала» до определенного момента. Сегодня в силу как глобальных, так и локальных социальных трансформаций, в условиях которых довольно резко возросла роль как самой политики и политического сознания, так и непосредственно права, требуются иные подходы к проблеме взаимоотношений политики и права как в теории, так и на практике. Осознание данного факта уже отразилось на исследовательской проблематике ученых, причем как политологов, так и юристов [9], даже стал издаваться специальный журнал, сделавший существующую проблему своим названием: «Право и политика».

В теоретическом аспекте соотношение политики и права во многом зависит от того, как трактуется право. В науке традиционно доминируют две основные концепции правопонимания. Согласно первой из них, право есть, прежде всего, система исходящих от государства юридических норм, закрепленных в законах и иных нормативных актах. Это писаное, институциональное право, представляющее собой известное позитивистское направление в правоведении. Согласно второй концепции, право – это не только и не столько властные нормы, сколько, в первую очередь, основополагающие правовые идеи – идеи свободы, нравственности, гуманизма, справедливости – и другие личностные и социально значимые ценности. Это – неписаное право, источником которого служит естественно-правовая доктрина.

Безусловно, что обе концепции имеют право на существование. Отметим лишь, что наиболее тесное и продуктивное взаимодействие политики и права может быть достигнуто только в рамках первой концепции, причем не только в области аналитики, но и в сфере реальной социально-политической практики. Поэтому рассмотрим в основном нормативное понимание права, имея в виду, что эти нормы являются демократическими, научно обоснованными и выражают как объективные потребности развития общества, так и основные интересы граждан.

Довольно любопытны рассуждения на эту тему известного французского ученого-правоведа Пьера Сандевуара. Проблема взаимосвязей между политикой и правом, указывает он, до сих пор многими недооценивается, что происходит по причине особой деликатности этой проблемы. При этом французский специалист отмечает, что объективно трудно спорить с утверждением о том, что во взаимоотношениях права и политики последняя, как правило, доминирует. Но необходимо, полагает П. Сандевуар, пойти дальше и сделать так, чтобы право выступало не иначе, кроме как инструментом осуществления политики. При этом право может не только выражать политику и быть средством ее реализации, но и оказаться в полном подчинении политике, быть подавленным политикой. Тем не менее превосходство политики, считает П. Сандевуар, над правом имеет свои пределы – именно эту мысль полагаем отметить особо. При определенных условиях политика может и должна подавляться правом или, по крайней мере, подчиняться праву, находиться в зависимости от него. Поэтому если политические руководители предпринимают какие-либо шаги вопреки праву или во изменение права, последнее будет сопротивляться путем ограничения их свободы и действий, предотвращения их самоуправства, вскрытия их истинных намерений. Следовательно, именно политика формирует право, но при этом право, в свою очередь, реагирует на политику, внося в нее дисциплинирующий элемент и вынуждая политиков действовать открыто, справедливо и ответственно [10, с. 61–64].

Конечно, соотношение политики и права не остается неизменным. Именно так и происходило в России на протяжении минувшего столетия, когда социальные катаклизмы сменялись более спокойными фазами «движения по спирали». Но и в этих промежутках могут быть спорадические всплески политико-правовой активности, а затем их угасание. В истории нашей страны были периоды, когда право специально отодвигалось на второй план. Причем это относится и к новейшему времени. Вместе с тем само право, законы, юридические процедуры и учреждения могут активно и целенаправленно использоваться в политических целях. Известный и довольно «модный» в настоящее время российский философ И.А. Ильин писал: «По своему объективному назначению право есть орудие порядка, мира и братства; в осуществлении же оно слишком часто прикрывает собой ложь и насилие, тягание и раздор, бунт и войну» [11, с. 225]. В истории известна и кантовская мысль о том, что «право может служить как средством ограничения произвола, так и средством поправки свободы человека» [12, т. 4, ч. 2, с. 140]. Не случайно некоторые юристы-практики совершенно справедливо сравнивают право со спичками, с помощью которых можно «...и костер разжечь, и дом поджечь».

Безусловно, в настоящее время в нашей стране нужна сильная, дееспособная государственная власть. Но не менее, а может быть, даже и более ей нужны сильные, эффективные законы, которые бы все соблюдали и которые бы связывали, «держали в границах порядка» саму власть, если вести речь о правовой государственности, о гражданском обществе. Именно в этом должен заключаться главный смысл юридической политики. Конечно, право всегда предполагает некий принудительный аспект, оно должно опираться на твердую, легитимную и авторитетную власть. С другой стороны, сама власть, официальная политика призваны уважать и защищать право, эффективно использовать его возможности.

Конечно, как отмечают аналитики, в определенных условиях (а именно в условиях избирательного процесса) политика и право могут конфликтовать. Современная избирательная кампания может разворачиваться по своим собственным «законам» и традициям, не всегда имеющим правовой характер. Черный пиар, грязные технологии, компроматы, подкуп избирателей, давление

различных криминально-олигархических групп и кланов, силовое преследование, использование так называемого административного ресурса – все это может использоваться властью ради победы того или иного конкретного кандидата. Однако известны и примеры иного рода, когда в межвыборный период законодательство изменяется таким образом, что почти автоматически обеспечивает победу тем или иным политическим силам или социальным группам [13, с. 34].

Следует признать, что и в современных условиях политические соображения нередко берут верх над законом и законностью, а правовой нигилизм не только не преодолен, но даже принял угрожающие масштабы и не без оснований квалифицируется специалистами как беспредел [14]. В обществе ощущается острый дефицит юридической культуры, отмечается низкий уровень правосознания. Конечно, формально в нашей стране «живут» конституционно закрепленные идеи правового государства, верховенства закона, приоритета прав человека, решительно отвергнут принцип доминирующей роли политики и идеологии, но на деле до торжества права еще довольно далеко. Безусловно, политика должна быть правовой, а право – эффективно способствовать проведению разумной государственной политики в интересах большинства населения страны.

Однако это пожелание на практике сталкивается с одним системным противоречием, характерным для России. А именно: формирование и проведение действительно правовой политики в нашей стране зависит только от высшей власти и ни от кого более. Российская история подтверждает, что новый правитель – это всегда новый стиль, который начнет усваиваться бюрократией и вообще всеми, кто желает проявить свою «лояльность к власти» и будет создавать стиль времени. «Демократический выбор России», декларируемый Д. Медведевым, поддерживается и гражданами и мировым сообществом, но для автора ясно, что этот выбор «разбивается» о традиционный русский «правовой нигилизм» и всеохватывающую, по сути, системную коррупцию.

Очевидно, что упор на законность и право является важным индивидуальным «стилистическим признаком» правления юриста и «либерала» Д. Медведева, как упор на порядок и контроль являлся своеобразным «стилистическим признаком» правления В. Путина. Однако при этом возникает закономерный вопрос: в какой мере акцент на правопорядок может претвориться из слов в реальную политику, а в какой он все же обречен остаться только на уровне риторики и «риторических действий»?

Конечно, то, что борьба за правопорядок и борьба с коррупцией будут сталкиваться с системным сопротивлением аппарата, это вполне предсказуемо. Однако полагаем, что значительно более важное сопротивление эта «правовая» составляющая идеологии нынешнего президента и его политики встретит со стороны самого же президента в виде других аспектов заявленных им идеологических приоритетов. В частности, мысль бывшего президента России В. Путина и повторяемая ныне действующим президентом Д. Медведевым о том, что Россия в XX в. уже «исчерпала свой лимит на революции» и нет ничего важнее, чем сохранение преемственности и стабильности. Тогда почему же ценность стабильности в нашем контексте противоречит ценности правопорядка?

Полагаем, прежде всего, потому, что тот социальный порядок, который сформировался в постсоветской России и который обеспечил президентство и В. Путину, и Д. Медведеву, – это порядок, основанный практически на полной власти «безальтернативного» президента и свободном выборе президента-преемника президентом-предшественником при обязательной последующей легитимации этого выбора всенародным голосованием. Это не формальный (конституционный), а реальный порядок. И гарантией такого порядка может быть

только «управляемость» этого легитимирующего голосования (а это значит – и всего политического процесса), то есть объективное превращение демократии в ее имитацию и постоянное де-факто нарушение демократических, конституционных норм. Именно в этом и состоит самый главный источник отечественного «правового нигилизма», наша главная «коррупция», которая создает жесткие границы для борьбы с любыми другими ее возможными проявлениями.

По своему функциональному предназначению право призвано играть роль эффективного стабилизатора политической жизни; оно должно выражать и защищать справедливость, служить преградой на пути возможных волюнтаристских поползновений политических лидеров и чиновников всех рангов. Именно правовые процедуры и механизмы должны быть максимально задействованы для нахождения разумного консенсуса, путей мирного разрешения возникающих социальных конфликтов. Иными словами, право – это мощная преграда на пути социального зла и в то же время проводник и заступник всего лучшего в человеке и обществе. Поэтому основополагающей чертой правовой политики является ее органическая связь с правом, диалектическая связанность с правом.

В свое время бывший помощник Президента РФ по правовым вопросам М.А. Краснов довольно удачно, на наш взгляд, назвал право «клеткой для власти». Это наиболее точное афористичное определение права, поскольку именно правовая система призвана удерживать власть от возможного произвола и силовых рефлексов. Это связано именно с тем, что она (власть) имеет тенденцию к выходу из-под любого контроля, юридической регламентации, подчинения каким бы то ни было нормам и правилам. А право, законы должны вводить ее в нормативные «рамки», призывать к порядку и самоограничению. Право, таким образом, – это метод, средство и одна из сфер (поле) реализации публичной политики государства.

Итак, при нормальном положении вещей право и политика вполне могут выступать как союзники, тесно взаимодействовать между собой, «сотрудничать», помогать друг другу в достижении общих социальных целей. Однако это возможно лишь в том случае, если политика находится и развивается в правовом русле, осуществляется, в первую очередь, правовыми средствами, отвечает идеалам права, то есть и по своей форме и по содержанию является правовой. С другой стороны, и право может оказывать благотворное влияние на политику, ее формирование и осуществление путем ее ограничения рамками единого общероссийского правового пространства.

Вместе с тем сферы политики и права могут быть и антиподами, находиться в состоянии противоборства и даже жесткой конфронтации. Как правило, это происходит тогда, когда политика выходит за существующие рамки права, когда она произвольна, субъективна и не соответствует принципам права, гуманности и справедливости, когда идеи законности подменяются политической целесообразностью, когда нарушаются права человека, допускается злоупотребление правом и т.д. В этом случае право борется с политикой, противостоит ей.

Таким образом, сущность проблемы заключается в том, чтобы всякий раз уметь находить разумный, выверенный баланс в сочетании политики и права ради достижения общих социальных целей. А такими основными целями являются: нормальное функционирование общества, мирная и достойная жизнь людей, уважение и защита прав человека, свободное развитие личности. В достижении этих целей политика и право должны дополнять друг друга. Понятная социуму политика, тщательно подготовленные законы, справедливое право и активное поведение гражданина – вот те необходимые слагаемые, которые в

диалектическом единстве могут обеспечить необходимый результат во взаимодействии политики и права.

Ссылки:

1. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998.
2. Шмитт К. Политическая теология / перевод с нем., закл. статья и сост. А. Филиппова. М., 2000.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. См.: Российская правовая политика / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2003.
7. Ленин В.И. Теория насилия (философский бестселлер). М., 2007.
8. См.: Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000.
9. См., например: Рахимов Р.А., Хабибулин А.Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа // Правоведение. 2000. № 2. С. 17–25 ; Матузов Н.И. Право в политическом измерении // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 1. С. 34–43 и др.
10. См.: Сандевуар П. Введение в право / пер. с франц. М., 1994.
11. Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993.
12. Кант И. Соч. М., 1965. Т. 4. Ч. 2.
13. См. подробнее: Шестопал Е. Что такое суверенная демократия, понятно только Суркову // Коммерсант Власть. 2007. № 39.
14. Об этом фактически дословно в одном из своих выступлений (например, в марте 2007 года) говорил в то время первый вице-премьер Правительства России Д.А. Медведев. См.: URL: <http://voprosy.yandex.ru/db>